

И.Е. Суриков

ОТ «ДЕМОТЕВТА» – К ДЕМАГОГУ?
(Афинские триерархи V в. до н.э. и их «электорат»)

Данная работа является прямым продолжением статьи 2005 г., в которой автору удалось установить наличие в раннеклассических Афинах особого слоя политической элиты – «демотевтов», элиты аттических демов (чаще всего сельских). Ближе к концу V в. до н.э., особенно в период Пелопоннесской войны, эти люди выходят на ведущие позиции в афинской политической жизни. Главный тезис статьи заключается в том, что изменение ситуации было обусловлено прежде всего введением триерархии Фемистоклом.

Ключевые слова: классические Афины, демократия, «новые политики», демагоги, триерархи, демы, элита.

В статье, опубликованной нами в ВДИ, 2005, № 1, удалось установить (привлекая в первую очередь такой ценный, лишь недавно в относительно полной мере введенный в научный оборот источниковый материал, как данные остраконов) наличие в афинском демократическом полисе первой половины V в. до н.э. особого, довольно многочисленного слоя политической элиты. Речь идет о той ее части, которая действовала не на общеполисном уровне, а на уровне отдельных демов. Для обозначения этой элиты демов мы тогда же предложили употреблять специальный термин «демотевты» (οἱ δεμότευταί) – термин, разумеется, в известной мере условный, хотя он и опирается на реальное греческое слово – *ganaкс*, встречающееся в идентификационной приписке, сделанной голосующим на одном остраконе (τῶν δε [μο] τευτῶν | ἡσθμὶ ὀνίκος | Κοβοκίδης – «Истмоник, кофокидянин, из числа демотевтов»)¹, если, конечно, наша идентификация этой приписки верна.

«Демотевты» в период ранней классики были, так сказать, элитой «второго эшелона». Люди, – по меркам Афин состоятельные, они имели определенные политические амбиции, однако были вынуждены сдерживать их, поскольку не видели еще возможности на равных конкурировать с блистательными представителями высшей аристократии, задававшими в то время тон на уровне полиса в целом. В отличие от них «демотевты» либо вообще не имели знатного происхождения, либо принадлежали к побочным, «захудалым» ветвям аристократических родов.

Иными словами, в первой половине V в. до н.э. элита демов еще не являлась резервом для пополнения элиты полиса, так сказать, «кузницей кадров». Или, если

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Brenne 2001, 77; 2002, 86.

являлась, то в минимальной степени: кроме наиболее известного примера Фемистокла, сумевшего благодаря своим незаурядным организаторским способностям и харизматичности подняться «до самых верхов»², можно припомнить разве что еще Миронида. Основной же массе политиков этой группы приходилось довольствоваться статусом «вечно вторых», что их вряд ли вполне устраивало. Ведь на уровне своих демов они были весьма почтенными и авторитетными фигурами. Типовой афинский дем был в своем роде замкнутым микросообществом со своими институтами вплоть до народных собраний – таким «полисом в миниатюре», «полисом в полисе»³. В особой степени сказанное относилось к демам достаточно отдаленным – не в ближайшей городской округе, а в сельской местности. Их обитателям по понятным причинам не часто приходилось посещать народное собрание в Афинах; соответственно, для этих людей дела дема могли отодвигать на второй план дела государства, а демарх оказывался едва ли не более важной фигурой, чем общеполитический магистрат.

Не удивительно в данной связи, что значительное большинство «демотетов», известных по надписям на остраконах, принадлежали к сельским, а не городским демам. Правда, некоторые из них реально перебирались на жительство в Афины⁴, но при этом сохраняли влияние в своих демах (как известно, по клисфеновской «конституции», действовавшей в классических Афинах, перемена места жительства гражданином не влекла смену демотика).

Все это порождало определенную коллизию. Одним из важных результатов реформ Клисфена было то, что они разрушили парадигму «регионализма», разьедавшую полисное единство на протяжении VII–VI веков до н.э.⁵ Афинскому полису на стадии его становления вообще было достаточно трудно сохранять единство ввиду его весьма крупных размеров. Достаточно напомнить, что соседняя Беотия – а ее территория примерно такова же, как и у Аттики, – так никогда и не стала единым полисом, несмотря на все интегративные усилия со стороны Фив.

В Афинах же, – судя по всему, вполне сознательно – на протяжении ряда поколений проводились меры, которые в современной историографии интерпретируют обычно в духе поступательной демократизации, что верно лишь отчасти и не всегда; преимущественно же они были направлены на укрепление целостности государства. Первым в этом ряду следует назвать закон Драконта об убийстве⁶, который связывал всех жителей Аттики некими общеобязательными процедурами, необходимыми для ликвидации «скверны», вызванной кровопролитием, дабы божественное наказание не обрушилось на полис в целом⁷. Не случайно, думается,

² Об этом нюансе политической карьеры Фемистокла, выходца из сельского, а не городского дема, но ставшего при этом одним из лидеров государства (уникальный для первой половины V в. взлет), см. Суриков 2008а, 152 сл.

³ Об этом нам уже доводилось говорить: Суриков 2005, 15 слл. См. также Whitehead 2001.

⁴ См. примеры: Суриков 2005, 26 слл.

⁵ Концепцию «регионализма» в Афинах, как известно, наиболее детально разработал Р. Сили (Sealey 1960; 1976, 95 ff.).

⁶ О нем существует немало исследований, в том числе монографических. Назовем последнее по времени (Сагаван 1998), а из библиографических указаний в ней желающие смогут почерпнуть сведения о предшествующей литературе. Впрочем, уже после этой книги вышла весьма важная статья (Schmitz 2001).

⁷ Суриков 2004а, 50.

закон Драконта – самый ранний известный документ, в котором все жители Аттики фигурируют под общим названием Ἀθηναῖοι⁸.

В дальнейшем самыми разными путями крепили ту же общеполисную целостность и боролись с «регионализмом» Солон⁹, Писистрат и Писистратида¹⁰. Клисфен, как обычно (и в целом вполне справедливо) считается, завершил данный процесс. Собственно, система демов – образований в известной мере искусственных¹¹ – и была создана реформатором в противовес традиционным формам объединений (фратриям, навкрапиям и т.п.), чтобы заменить их в политической жизни¹².

Парадокс, однако, заключался в том, что демы довольно скоро и сами возымели тенденцию воспроизводить ту же парадигму, превращаясь в некие «землячества» со своими местническими интересами. Подобный ход развития мог в конечном итоге привести к возрождению регионального патернализма (на сей раз – со стороны «демотетов») и подорвать результаты преобразований. Чтобы этого не произошло, в ходе дальнейшей эволюции политической системы классических Афин должен был найтись (в ходе сознательных усилий или спонтанно) какой-то механизм нейтрализации (или удовлетворения) амбиций элиты демов, который бы интегрировал ее в полисные институты, побудил действовать в интересах целого, а не отдельных его частей.

Именно этим мы завершили статью «ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ...» лишь вкратце оговорив, что во второй половине V в. до н.э. ситуация стремительно и кардинально изменилась в сторону, выгодную для «демотетов». Почему и как это и произошло – этот вопрос в рамках указанной статьи уже невозможно было рассмотреть, поэтому мы обещали вернуться к нему позже, в отдельной работе¹³. Наступило время выполнить обещание, – тем более что за прошедший срок у нас появились некоторые соображения, которые, как представляется, помогут разобраться с факторами, действовавшими в ходе процесса. Соответственно, данное исследование следует рассматривать как прямое продолжение статьи «ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ...».

⁸ Frost 1994, 173.

⁹ Автор одной из недавних монографий о Солоне (Almeida 2003) вообще считает, что главным в деятельности и мировоззрении Солона была идея полиса.

¹⁰ Введение при Писистрате или Гиппии первой афинской монетной чеканки – *Warrenmünzen* (об этих монетах см. Суриков, 2006а; 2007), – безусловно, должно трактоваться в том же контексте.

¹¹ Правда, демы в Аттике (и, соответственно, демотики – обозначения граждан по демам) зафиксированы в источниках еще до клисфеновских реформ: Raubitschek 1949, 467–468; Jacoby 1949, 186 ff.; Whitehead 1986, 5–16. Демами назывались в то время в Афинах, как и в других ионийских регионах, сельские общины (в дорийском мире применительно к тому же феномену был более употребителен термин «комы», см. *Arist. Poet.* 1448a36). Однако до конца эпохи архаики демы Аттики не составляли основу административного деления государства и, скорее всего, не охватывали его столицу – сам город Афины. Последнее стало плодом деятельности Клисфена. Понятно, что новые городские демы были общинами, созданными искусственно, по образцу демов сельских.

¹² Разумеется, сказанное не следует понимать в том смысле, что эти старые объединения тут же исчезли. Навкрапии (из работ о них см. последнюю по времени: Schubert 2008) просуществовали еще с четверть века, вплоть до морской программы Фемистокла (см. ниже); фратрий (о них существует монографическое исследование: Lambert 1998) и вовсе никто не отменял. Но элиминирована была именно их *политическая* роль.

¹³ Суриков 2005, 32.

Даже невооруженным взглядом легко заметить резкую смену «политического климата» в Афинах в последней трети V в. до н.э. по сравнению с предшествующим периодом. В качестве «рубежной» даты иногда принимают начало Пелопоннесской войны, а иногда – смерть Перикла, что, в общем-то, и не принципиально, поскольку два события хронологически почти совпадают друг с другом.

Перемена, надо сказать, была замечена сразу же: она, во всяком случае, не ускользнула от внимания самого проницательного из современников, Фукидида. Один из самых ярких и знаменитых пассажей его «Истории» (II. 65) как раз посвящен сопоставительной характеристике Перикла и его преемников¹⁴. Речь идет прежде всего о радикальных изменениях в составе слоя ведущих политиков. Безусловно, остроумными и отчасти верными являются наблюдения, согласно которым у тех же Перикла и Клеона имелись не только различия, но и общие черты¹⁵. Но, подчеркнем, именно только отчасти. Нельзя же в конце концов «за деревьями не видеть леса» и отрицать очевидное.

Важнее другое: как следует характеризовать рассматриваемую смену типа политического деятеля? Согласно наиболее распространенной точке зрения, господствовавшей на протяжении многих десятилетий, да и ныне имеющей своих приверженцев¹⁶, дело заключалось в том, что вместо прежних знатных лидеров бразды власти взяло в свои руки «поколение демагогов» – выходцев из ремесленно-торговой среды, к аристократии не имевших никакого отношения. Клеон, Гипербол, Клеофонт, Лисикл и другие – вот кого, как правило, называют в качестве символов этого нового поколения.

Однако, как минимум, со времени этапной книги У.Р. Коннора¹⁷ стало ясно, что в действительности картина была намного сложнее¹⁸. Исключительно удачно введенный исследователем термин «новые политики» (с тех пор, кажется, им пользуются все без исключения, кто пишет по данной проблематике) оказался не вполне совпадающим с понятием «демагоги», между ними отнюдь нельзя ставить знак равенства.

Под демагогами в последней трети V в. до н.э. понимали политических деятелей радикально-демократической ориентации¹⁹. Прямой увязки с происхождением человека этот термин не содержал. Демагогом вполне могли назвать и Перикла,

¹⁴ По мнению В. Вилля, посвятившего теме «Фукидид и Перикл» специальную объемистую монографию, именно эта глава (II. 65) является в главе Перикла главной, ключевой, а все, что историк пишет дальше, – не более чем «подстрочное примечание» (Will 2003, 186). Но это уже, конечно, явное преувеличение.

¹⁵ Например: Hornblower 1992, 346.

¹⁶ Один из последних примеров: Туманс 2010, 140: «Итак, со смертью Перикла в 429 г. закончилась целая эпоха в истории греческой культуры, политической и не только. Теперь в политику валом повалили так остроумно высмеянные Аристофаном “кожевники”, “колбасники”, да и вообще кто угодно. Это вполне естественно: если сам великий аристократ сделал из себя простолудина во власти, почему же тогда не взять бразды правления им самим, настоящим простолудинам?».

¹⁷ Connor 1971.

¹⁸ Эта большая по сравнению с представлявшейся ранее сложность ситуации отражена, например, и в работах К. Моссе второго периода ее научной деятельности: Mossé 1985; 1996.

¹⁹ О демагогах как интегральном структурном элементе политической системы афинской демократии см. Hammer 2005, 126.

и Фемистокла, особенно на первых порах, когда слово не имело еще негативной окраски и означало, собственно, «вождь народа».

А среди «новых политиков» далеко не все были радикальными демократами. Встречаются в их числе и противники народовластия, в том числе лидеры олигархического режима «Четырехсот» (Антифонт, Фриних, Писандр), а также так называемые «умеренные» – лица, которые в целом не отрицали демократической политической системы и работали в ее рамках, но при этом ни в коей мере не одобряли нарастающих охлократических тенденций. Среди этих последних – прежде всего Никий, а также, например, Ферамен. Политическая позиция некоторых «новых политиков» неясна или они ее просто не имели. Это, как правило, те люди, которые посвятили себя чисто военной карьере, неоднократно занимая посты стратегов, но не вмешиваясь в борьбу группировок в общественной жизни: Лахет, Демосфен, Формион, Конон и др. Судя по всему, именно в годы Пелопоннесской войны впервые наметился данный феномен (полнее развившийся позже, в IV в. до н.э.): появление специалистов-военных, далеких от гражданской политики.

Даже некоторые из «новых политиков», несомненно принадлежавших к демократическому лагерю, не носили ярлыка демагога. Не применяется этот эпитет, например, по отношению к Фрасибулу, Фрасиллу. Одним словом, далеко не все политические деятели этой генерации являлись выразителями деструктивных, охлократических тенденций, хотя были среди них, безусловно, и такие.

Особенно проблематичным оказался постулат о пресловутой сугубой незнатности «новых политиков». Вольно было комедиографам эпохи Пелопоннесской войны изображать, например, Клеофонта, – пожалуй, самого одиозного из тогдашних демагогов – чуть ли не рабом-варваром. В результате анализа надписей на остраконах совершенно неожиданно – но и столь же неопровержимо – выяснилось совершенно иное. Клеофонт и его брат Филин²⁰ были детьми Клеиппида, сына Диния, – видного политика «Периклова века», который в 444 г. до н.э. был одним из основных «кандидатов» во время остракизма (найден 124 остракон с его именем²¹ – очень крупная цифра), а еще в начале Пелопоннесской войны занимал пост стратега (Thuc. III. 3. 3)²². Вот так «низкое» происхождение! Другой известный демагог, Андрокл (он сыграл видную роль в громких религиозно-политических процессах 415 г. до н.э., а четыре года спустя был убит в процессе подготовки олигархического переворота «Четырехсот»²³), согласно нашим выкладкам, сделанным в другой работе²⁴, мог принадлежать к боковой ветви знатнейшего рода Филаидов.

Клеон породнился с семьей тираноубийцы Гармодия – одной из самых почтенных в Афинах, принадлежавшей к роду Гефиреев, а Никий – с не менее знатной семьей оратора Андокида²⁵. Часто это трактуется в том плане, что верхушка демоса таким образом стремилась вписаться в аристократический «истеблишмент».

²⁰ Этот Филин был известен из источников и ранее, но его родство с Клеофонтом выяснилось только из материала остраконов. См. Суриков 2008б, 88; 2009а, 3–4, 18–19.

²¹ Суриков 2006б, 546.

²² О проблеме Клеофонта, Филина и Клеиппида см. Vanderpool 1952; Raubitschek 1954; Суриков 2004б, 59–60.

²³ Об Андрокле см. *Aristoph. Vesp.* 1187; *Thuc.* VIII. 65. 2; *Arist. Rhet.* II. 1400a10 sq.; *Plut. Alc.* 19.

²⁴ Суриков 2009б, 103–114.

²⁵ Connor 1971, 161 f.

Не можем, однако, не заметить, что афинские евпатриды вряд ли пошли бы на совсем уж грубые мезальянсы, на установление брачных связей с лицами, которые заведомо ни в каком отношении не были им «ровней». Известно как раз противоположное: в V в. до н.э. в аристократической среде Афин наблюдаются «эксклюзивные» матримониальные практики²⁶, вплоть до близкородственных браков, – несомненно, с целью «отгородиться» от рядового демоса в условиях, когда в результате демократизации полиса юридические перегородки между социальными группами оказались практически ликвидированными.

С другой стороны, представляется достаточно сомнительным, несмотря на распространённость, сам тезис о том, что представители демоса так уж рвались породниться со знатью. Ровно никаких дополнительных благ и привилегий это не давало. В ходе клисфеновских реформ, как нам уже приходилось писать²⁷, аристократические привилегии были распространены на весь демос, который тем самым как бы целиком превратился в аристократию. А завершающим этапом этого процесса стал полвека спустя известный закон Перикла о гражданстве 451/450 г. до н.э. Относительно точной цели этого несколько загадочного постановления высказывались различные точки зрения²⁸, а Ж. Блок²⁹ в совсем недавней работе предложила, кажется, самое удачное решение проблемы (которое, конечно, не отменяет выдвигавшиеся ранее интерпретации, но весьма удачно и существенно дополняет их): фактически запрещая экзогамные браки, закон как бы превращал весь гражданский коллектив полиса в один огромный γένος, аристократический род³⁰.

А теперь остановимся на том аспекте рассматриваемой здесь смены высшей афинской политической элиты, который представляется нам наиболее уникальным и даже поразительным. Обстоятельство, о котором пойдет речь, было замечено уже лет восемьдесят назад таким выдающимся специалистом, как А. Гомм (в его известном демографическом исследовании³¹), но почему-то его наблюдение не было в надлежащей степени оценено в последующей историографии, по сути дела, не привлекло почти ничего внимания. Заключается же это наблюдение в следующем.

Как уже отмечалось выше, вплоть до эпохи Пелопоннесской войны все ведущие политики Афин (за редчайшими, единичными исключениями) были выходцами из городских демов. А затем ситуация стремительно, резко и самым радикальным образом меняется: теперь уже как раз представители городских демов становятся исключениями в «верхнем эшелоне» политической жизни. Надо сказать, что сам Гомм не придавал обнаруженному им феномену особо большого значения и дал ему довольно примитивное объяснение: явление было-де обусловлено тем, что многие аттические семьи переселились из сельской местности в город.

На наш же взгляд, в действительности следует говорить о том, что в афинскую политику мощно, большой группой вошли те, кого мы называем «демотевтами», – лица из слоя, члены которого ранее делали свою карьеру на уровне демов.

²⁶ Ср. Cox 1989.

²⁷ Суриков 2006б, 204, 222. Ср. Brenne 2001, 20.

²⁸ Например: Will 1995, 50 ff.; Osborne, 1997; Суриков 2004в, 181 слл.

²⁹ Blok 2009.

³⁰ Наверное, не будет лишним напомнить, что традиционно афинские роды (в отличие, скажем, от римских) включали в себя не всех граждан, а только аристократов. Этот факт подмечен уже достаточно давно (см. хотя бы Forrest 1966, 45 ff.), но, к сожалению, и по сей день не всегда учитывается в должной мере.

³¹ Gomme 1986, 37–39.

Однако прежде, чем делать далеко идущие выводы на основании ответственного тезиса, необходимо проверить сам этот тезис. Гомм высказал его мимоходом, декларативно и без специальной аргументации. Для того чтобы убедиться, так ли все обстояло на самом деле, нам придется провести небольшое просопографическое исследование. Рассмотрим, из каких демов (в плане их принадлежности к городу или сельской местности) происходили виднейшие афинские политические деятели периода Пелопоннесской войны³². Начнем с тех, которых в историографии причисляют к демократическому лагерю³³ и традиционно характеризуют как демагогов (если не всех, то, по крайней мере, большинство этих деятелей).

Логичным будет упомянуть самым первым того, кто считается как бы «символом перемен», т.е., разумеется, Клеона. Клеон, сын Клеонета, происходил из дема Кидафины, входившего в городскую тритию филы Пандиониды. Таким образом, в данном отношении мы имеем дело пока еще со старой моделью³⁴. С другой стороны, Клеона роднят с «демотевтами» данные ономастики. Анализируя имена представителей элиты демов с точки зрения семантики их корневых морфем³⁵, мы пришли к выводу, что наиболее типичным для этой среды, встречающимся гораздо чаще, чем любые другие, был корень κλε-/κλη-. Легко заметить, что этот же корень наличествует как в имени самого Клеона, так и в его патронимике.

Другой знаменитый демагог – Гипербол, сын Антифана, – принадлежал к дему Перифеды; последний входил в филу Энеиду, причем также в ее городскую тритию. А вот упоминавшийся уже выше Клеофонт, начавший свою политическую деятельность, судя по всему, позже Клеона и чуть позже Гипербола, отличался от них в том смысле, что его дем – знаменитые Ахарны – был уже не городским, а сельским (фила Энеида). А с точки зрения ономастики напомним имя этого политика с патронимиком: Клеофонт, сын Клеиппида. В обоих элементах встречается знакомый нам уже корень κλε-/κλη-. У Клеофонта был брат Филин – тоже демагог, но куда менее известный; он, разумеется, тоже являлся демотом Ахарн. Демагог Андрокл, действовавший в то же время, происходил также из сельского дема – Питфа (фила Кекропида). Заметим тот же, уже хорошо знакомый нам корень κλη- в качестве второго элемента имени Андрокла (имя его отца, к сожалению, неизвестно).

Из демократических лидеров чуть более позднего времени, завершающего этапа Пелопоннесской войны, самым знаменитым был Фрасибул (впрочем, как мы

³² Локализация конкретных аттических демов, принятая нами в дальнейшем изложении, основывается на выкладках, приведенных в одном из важнейших исследований по данной проблематике: Traill 1975. Оговорим еще, что не для всех крупных политиков рассматриваемого времени известен демотик.

³³ Впрочем, об условности подобных определений см. наиболее акцентированно: Ruschenbusch 1979, *passim*.

³⁴ Как известно, существует мнение, – восходящее, в сущности, еще к Гроту, но преимущественно ассоциирующееся с именем Вудхеда (Woodhead 1960), – согласно которому Фукидид злонамеренно и неправомерно изобразил Клеона первым демагогом – то ли из личной неприязни, то ли из антипатии к демократии как таковой; в действительности же Клеон был политиком перикловского типа. Эта точка зрения подвергалась критике (Pritchett 1973; Spence 1995), однако остается влиятельной (например: Baldwin 1968; Westlake, 1989, 207–208; Will 2003, 67–88).

³⁵ Суриков 2005, 31 сл.

отмечали выше, демагогом традиция его обычно не называет, напротив, славит как избавителя Афин от тирании «Тридцати»). Фрасибул, сын Лика, принадлежал к дему Стирия. Этот дем (входивший в филу Пандиониду) был не просто сельским, а одним из самых окраинных в Аттике.

Помимо демократов, в Афинах рассматриваемого периода часто выделяют группировку «умеренных». Впрочем, нельзя не заметить, что само это понятие представляется достаточно расплывчатым – как с концептуальной точки зрения, так и в смысле персонального состава. Различные исследователи то включают в число «умеренных», например, Архина и Ферамена (опираясь на сообщение Аристотеля – *Ath. pol.* 34. 3), то не включают; в последнем случае Архин оказывается отнесен к стану демократов, а Ферамен – к лагерю олигархов. Все эти разногласия, однако, не имеют столь уж принципиального значения, поскольку нас интересует группа «новых политиков» в целом, а тот факт, что многие ее члены в сложной обстановке тех лет меняли (случалось, что и неоднократно) политическую ориентацию, хорошо известен.

Самый крупный представитель афинских «умеренных» – это, бесспорно, Никий, которого в той же мере, что и вышеперечисленных лиц, следует относить к когорте «новых политиков». Долго говорить об этом видном деятеле древнегреческой истории здесь не приходится; достаточно указать, что дем, к которому он относился – Кидантиды, являлся сельским (входил в филу Эгеиду).

К «умеренным» может быть со значительной долей вероятности отнесен Феак, сын Эрасистрата, из Ахарн (этот дем, как мы знаем, принадлежал к сельским). Имеет смысл сделать небольшой экскурс о нем и его семье, о которой стало известно значительно больше, чем прежде, благодаря открытиям остраконов.

Начнем с отца. Раньше о нем можно было говорить только в связи в фрагментарно сохранившейся речью оратора Антифонта «Против Эрасистрата о павлинах» (*Antiph. fr.* 57–59 Blass – *Thalheim*)³⁶. Однако на Керамике был обнаружен остракон с его именем³⁷. На черепке интересующее нас лицо обозначено как Эрасистрат, сын Астия; демотик не указан. В то же время на двух других остраконах с Керамика фигурирует некий Диокл, сын Астия, из Ахарн. Совпадение патронимика дает повод задаться вопросом: а не братья ли перед нами? Дать на этот вопрос положительный ответ, пусть даже в самой осторожной форме, было бы слишком смело, если бы в нашем распоряжении имелись только эти данные. Однако есть и другие.

Известно, что сын Эрасистрата Феак был одним из видных афинских политиков эпохи Пелопоннесской войны. О нем неоднократно упоминают письменные источники³⁸; он активно исполнял посольские обязанности, а на остракофории 415 г. до н.э. был одним из основных «кандидатов» наряду с Никием, Алкивиадом, Гиперболом (и, похоже, Клеофонтом). Материалы этой остракофории сохранились очень плохо, но среди них все-таки есть 5 остраконов с именем Феака. Для сравнения: с именем Гипербола дошло лишь 3 остракона (а ведь он подвергся остра-

³⁶Русский перевод фрагментов речи см. Суриков 2009а, 17–18.

³⁷Brenne 2001, 140 (с датировкой 471 г. до н.э., которая представляется в данном случае слишком ранней); Суриков 2006б, 550, прим. 91.

³⁸Один из источников в античности даже приписывался его авторству: речь «Против Алкивиада», сохранившуюся в корпусе оратора Андокида, Плутарх (*Alc.* 13) называет речью Феака. Написана речь действительно *от лица* Феака, но не им самим. К проблеме см. Суриков 2006б, 429 слл.

кизму), с именем Никия – вообще только 1³⁹, с именем Алкивиада – 5, с именем Клеонфонта – 8.

Совокупность патронимика и демотика не позволяет сомневаться в принадлежности Феака к той же семье. Теперь нам оказываются известны уже четыре представителя этой политически активной семьи из дема Ахарны. Это Астий, его сыновья Диокл и Эрасистрат и сын последнего Феак. Но зафиксированы и другие члены той же семьи, принадлежащие уже к следующим поколениям: Эрасистрат, сын Феака (Plut. Ages. 15), и племянник Феака, также носивший имя Эрасистрат (Plat. Eryx. 392a). Кто-то из них вошел в состав коллегии «Тридцати» в 404 г. до н.э. (Xen. Hell. II. 3. 2), но кто именно судить не представляется возможным, поскольку Ксенофонт сообщает только имена «Тридцати тиранов», без патронимиков.

О Феаке и его родственниках мы намеренно сказали достаточно подробно, поскольку эти афиняне мало известны даже специалистам. Совсем другое дело – Ферамен. В рекомендациях он не нуждается; достаточно напомнить, что в афинской политике конца V в. это была одна из самых неоднозначных и даже скандальных личностей, а при всем том Аристотель, например, оценивал Ферамена едва ли не выше, чем Перикла (Ath. pol. 28. 5).

Ферамен происходил из Стирии – сельского, периферийного дема, как мы уже знаем. Таким образом, он являлся земляком Фрасибула; насколько можно судить, они были лично и политически близки, во всяком случае, на протяжении значительных периодов своих биографий⁴⁰. Упомянем еще, что отцом Ферамена (стало быть, тоже выходцем из Стирии) был Гагнон, который как политик выдвинулся еще при Перикле⁴¹, в начале 430-х годов стал ойкистом афинской колонии Амфиполь⁴², а в 413 г. до н.э., уже на склоне лет, был избран в коллегию пробулов, которая на тот момент являлась высшей в полисе⁴³.

Архин (если его действительно относить к «умеренным») несколько выбивается из общей модели – в том отношении, что его демом была Кела, принадлежавшая к городской триттии филы Гиппофонтиды и находившаяся в городской черте Афин. Заметим, впрочем, что Архин в политической жизни конца V в. до н.э. являлся и в целом фигурой не вполне типичной. Достаточно вспомнить о том, какую гипертрофированную скрупулезность проявил он в борьбе за неукоснительное соблюдение амнистийных соглашений 403 г. до н.э.⁴⁴, или о том, что именно он выступил

³⁹ Долгое время не было известно ни одного, что вызывало некоторый дискомфорт. Когда, наконец, был открыт на Агоре и опубликован остракон против Никия (Phillips, 1990), это вызвало нечто вроде вздоха облегчения у многих специалистов, занимающихся остракизмом и/или афинской историей этих лет.

⁴⁰ В начале 410-х годов до н.э. они вместе были стратегами и командовали флотом на севере Эгеиды (Andrewes 1953). В злополучной битве при Аргинусских островах оба были триерархами, а потом сообща интриговали против стратегов-победителей (Xen. Hell. I. 6. 35 sqq.). В период правления «Тридцати» Ферамен пытался вступаться перед Критием за Фрасибула (Xen. Hell. II. 3. 42).

⁴¹ Причем, скорее всего, был политическим противником Перикла, а не сторонником, как чаще считают. См. подробнее Braund 2005, 82 f.

⁴² О некоторых перипетиях основания Гагноном Амфиполя см. Asheri 1967, 19 ss.; Malkin 1985, 125 ss.

⁴³ О тождестве Гагнона-ойкиста и Гагнона-пробула см. Hornblower 1996, 454–455.

⁴⁴ «Когда кто-то из возвратившихся начал искать возмездия за прошлое, он (Архин. – И.С.) велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда. Он объяснял, что теперь членам Совета предстоит показать, хотят ли они спасти демократию и соблюдать присягу: если отпустят этого человека, то это будет поощрением и для остальных, если же

инициатором знаменитой реформы алфавита; последняя назрела уже давно, но приступить к ней не решались (такие вещи всегда довольно болезненны), а вот у Архина хватило на это смелости.

В высшей степени характерную картину обнаруживаем мы, когда переходим к рассмотрению демотиков тех политических деятелей, которых принято относить к олигархической группировке. В частности, все главные лидеры переворота 411 г. и режима «Четырехсот» происходили из сельских демов.

Так, оратор и софист Антифонт⁴⁵, которого уже Фукидид (VIII. 68. 1) характеризует как идейного вождя переворота, происходил из сельского дема Рамнунт (филы Эантиды), располагавшегося в крайнем северо-восточном «углу» Аттики, очень удаленного от Афин. Из этого ни в малейшей мере не следует, что оратор действительно жил на столь глухой периферии и ходил оттуда в город заниматься общественными делами. Разумеется, он имел дом в городской местности. Его принадлежность к Рамнунту означает тот факт, что в этом деме жили его предки на момент реформ Клисфена, когда были введены демотики.

Фриних, который в правительстве «Четырехсот» был особенно влиятелен и с наибольшим основанием может считаться фактическим главой режима, принадлежал к Дирадии – сельскому дему филы Леонтиды; этот дем, кстати, находился на восточном побережье Аттики, как и Рамнунт. Писандр, который начинал как демагог, но впоследствии резко изменил политическую ориентацию, был приписан к неоднократно уже упоминавшимся Ахарнам – дему также сельскому. Андрон (также входивший в состав «Четырехсот», но после его падения составивший псефисму против Антифонта, очевидно, ради самореабилитации) происходил из Гаргетта, сельского дема филы Эгеиды. Драконтид, который, возможно, в 411 г. был членом той же коллегии⁴⁶, а в 404 г. стал одним из влиятельнейших лиц при новом олигархическом режиме – «Тридцати тиранах»⁴⁷, – происходил из Афидны, сельского дема филы Эантиды. Вспомним тут и о стирийце Ферамене, который имел самое непосредственное отношение к обоим переворотам 411 г. до н.э.: и к крайне-олигархическому (перевороту «Четырехсот»), и к умеренно-олигархическому (перевороту «Пяти тысяч»).

Среди лидеров олигархов конца V в. до н.э. имелась, впрочем, в полном смысле слова «знаковая фигура», и это, разумеется, Критий, «олигарх по преимуществу». К сожалению, его демотик точно не известен. Есть предположение, что демом Крития был Фегунт (тоже сельский, относившийся к филе Эрехтеиде), но с уверенностью это утверждать нельзя. В любом случае, Критий не может рассматриваться в контексте данной статьи, поскольку он принадлежал не к «новым политикам», а к древнейшей знати. По той же самой причине мы здесь ничего не говорим и об Алкивиаде (городской дем Скамбониды филы Леонтиды).

казнят, это будет примером для всех. Так и случилось. После его казни уже никто никогда потом не искал возмездия за прошлое» (*Arist. Ath. pol.* 40. 2). Последнее суждение, пожалуй, несколько преувеличено: попытки такие в несколько последующих лет случались (хотя в основном не напрямую, а «обходным путем», как в случае с Сократом). Но все же: бывает, что и незаконная по форме мера способствует укреплению законности...

⁴⁵ О соотношении риторики, философии и политики в деятельности Антифонта см. Bringmann 2000.

⁴⁶ В отличие от коллегии «Тридцати» 404 г. до н.э., состав коллегии «Четырехсот» далеко не полностью известен персонально.

⁴⁷ Именно он внес псефисму об учреждении коллегии «Тридцати»: *Lys.* XII. 73; *Arist. Ath. pol.* 34. 3.

Осталось обратиться к еще одной специфической группе, включающей «чистых военных» – лиц, зарекомендовавших себя как полководцы, неоднократно занимавших должности стратегов, но при этом во внутривнутриполитических делах остававшихся нейтральными или, по крайней мере, не проявлявших эксплицитно свою позицию. «По умолчанию» этих людей обычно относят к «демократам», но это верно только в том смысле, что они были лояльны по отношению к существующей политической системе. Сам феномен появления в Афинах стратегов-профессионалов, далеких от политики в собственном смысле слова, получил окончательное оформление в IV в. до н.э.⁴⁸, но первые случаи такого рода отмечаются именно с 420-х годов до н.э.⁴⁹, что, вне сомнения, надлежит связывать с началом Пелопоннесской войны – первой «тотальной» войны совершенно нового для эллинского мира типа.

В данной группе начнем с Ламаха. Демотик его в точности не известен. С некоторой долей вероятности предполагают, что он был приписан к Ое – городскому дему филы Энеиды. Относительно Ламаха отметим, что он был военачальником старшего поколения и к 420-м годам до н.э. имел уже в этой области солидный опыт, – например, принимал участие в понтийской экспедиции Перикла (ок. 437 г. до н.э.) и в ее ходе выполнил ответственную миссию – сверж тиранию Ламаха в Синопе (Plut. Pericl. 20) и основал там афинскую клерухию⁵⁰.

Перейдем к полководцам, начавшим карьеру уже в Пелопоннесскую войну. Лахет происходил из Эксоны, сельского дема филы Кекропиды; Демосфен, герой Пилоса, – из Афидны, сельского дема филы Эантиды; Формион – из Пеании, сельского дема филы Пандиониды; Конон – из Анафлиста, сельского дема филы Антиохиды.

* * *

Весь этот довольно утомительный (и, наверное, скучноватый для читателя) перечень просопографических данных потребовался для того, чтобы доказательно продемонстрировать: да, наблюдение А. Гомма абсолютно верно, подмеченная им тенденция в период Пелопоннесской войны (особенно с 410-х годов до н.э.) имела место во всей полноте. В общественной жизни на смену «городским» политикам резко и массово стали приходить «сельские». Пользуясь модной ныне «мир-системной» терминологией, «периферия» ворвалась в «центр».

Подчеркнем, что далеко не для всех известных афинян последней трети V в. до н.э. в источниках зафиксированы демотики. Те, для кого таковых мы не знаем, поневоле остались «за бортом» нашего анализа. Однако все же можно уверенно говорить, что тот материал, который нами приведен, репрезентативен и отражает реальное положение дел, поскольку является результатом совершенно случайной выборки, сделанной самим временем.

В некоторых из рассмотренных групп политиков аргументируемая нами смена состава выступает особенно рельефно, а именно, в группах «нейтральных военных» и «олигархов». Что интересно – в группе «демократов» картина менее однозначна. В ней даже на самом рубеже V–IV вв. до н.э. продолжали еще периодически появляться политики из городских демов. Назовем, в частности, Агиррия (из городского дема Коллита филы Эгеиды) и Фрасибула, сына Фрасона, из того

⁴⁸ Mossé 1996, 73 f.

⁴⁹ Sinclair 1991, 137; Spence 1995, 436.

⁵⁰ Интересно, что в Синопе еще в IV–III вв. до н.э. зафиксировано несколько граждан, носивших имя Ламах (Федосеев 2003), что, конечно, не случайно. Эти лица, несомненно, были потомками ксенов афинского стратега.

же Коллита (не путать с «освободителем» Фрасибулом, сыном Лика!), а также припомним и о вышеупомянутом Архине.

Черта сходства, объединяющая, насколько можно судить, всех или почти всех лиц, о которых шла речь, – это то, что они были людьми состоятельными и, самое главное, активно занимались зарабатыванием денег – различными путями, в том числе и такими, какие современникам казались необычными и даже предосудительными. Многие из них практиковали ремесленно-торговую деятельность; источники пестрят упоминаниями о «кожевнике» Клеоне, «ламповщике» Гиперболе, «изготовителе лир» Клеофонте, а в качестве гиперболизированного символа всего этого типа политиков Аристофан во «Всадниках» выводит своего знаменитого Колбасника.

Антифонт с теми же целями изобрел профессию логографа, а также открыл риторическую школу. В воспоминаниях Ксенофонта он озлобленно порицает Сократа за то, что тот не берет денег с учеников (*Xen. Mem.* I. 6); очевидно, в глазах Антифонта философ нарушал корпоративную этику, занимаясь своеобразным «демпингом».

Особым образом поступал Никий. Обладая очень большим числом рабов, он поступал с ними следующим образом: сдавал в аренду другим лицам (которые использовали их на серебряных рудниках) и получал за это небольшую, но стабильную плату – по одному оболу за человека в день, что давало в год сумму, приблизительно равную 10 талантам⁵¹. Ему нужны были «чистые деньги», и известно, что значительная часть его огромного состояния имела именно денежную форму (*Lys.* XIX. 46–48). А требовались ему деньги, естественно, ни в коей мере не для инвестиций в хозяйство, а для трат в политических целях.

Интересно и показательно будет сравнить экономическую стратегию Никия с экономической стратегией виднейшего представителя предыдущего поколения – Перикла. О последнем существует следующий весьма известный пассаж Плутарха (*Pericl.* 16): «Для управления состоянием, доставшимся ему от отца на законном основании, он придумал такую систему, которую считал наиболее удобной и точной, чтобы оно не растратилось из-за его нерадения и, с другой стороны, чтобы не доставляло ему, при его занятиях, много хлопот и не отнимало времени: именно, годовой урожай он продавал весь сразу и потом покупал все нужное на рынке; такого порядка он держался в жизни и в повседневных расходах. Это не нравилось его взрослым сыновьям, и для их жен он был не щедрым давальцем; они жаловались на то, что расходы были рассчитаны по дням и сведены до минимума с величайшей аккуратностью, так что ничего не было лишнего, как должно было быть в большом доме при богатом хозяйстве, а напротив, все расходы и приходы были высчитаны и вымерены. Поддерживал весь этот аккуратный порядок его слуга Эвангел – один, как никто другой, по натуре ли своей способный к хозяйству или приученный к нему Периклом».

Обычно в историографии это трактуется в том смысле, что Перикл, опережая свое время, попытался полностью перестроить свое домашнее хозяйство на «рыночный лад»⁵². Что же касается современников, то они воспринимали такое пове-

⁵¹ О Никии и его рабах см. *Xen. De vect.* IV. 14; *Plut. Nic.* 4; *Athen.* VI. 272 с.

⁵² Туманс 2010, 136: «Это был новый, чисто городской и даже современный тип хозяйствования». Периклова экономическая стратегия часто приводится как аргумент в свою пользу теми антиковедами, которые, будучи последователями Эдуарда Мейера, убеждены в широком распространении рыночных отношений в классической Греции (например: Фролов 1997, 18).

дение «Перикла-рыночника» как странный каприз. Как видим, оно не находило понимания и желания подражать даже со стороны сыновей-наследников.

Откровенно говоря, в подобном типе ведения хозяйства, хоть он на первый взгляд и может показаться рыночным, в действительности ничего «рыночного» нет; при ближайшем рассмотрении выясняется, что перед нами совершенно иная мотивация. В рамках рыночной экономики главный и фактически единственный критерий оценки эффективности того или иного действия – его доходность, прибыльность. Перикл же, как видим, продавал весь годовой урожай оптом, а стало быть, недорого, а потом, не оставив себе ничего, оказывался перед необходимостью покупать требующиеся продукты – в розницу, т.е. заведомо дороже. Быть выгодным это никак не могло. Да, впрочем, Перикл, как ясно из приведенной цитаты, и заботился не о доходе, а о том, чтобы домохозяйство не обременяло его, оставляло как можно больше времени для общественной деятельности: определяющими даже для него и даже в экономической сфере выступали все-таки неэкономические соображения.

Хозяйствование Никия аналогично в том плане, что тоже не имело рыночных мотиваций. Иначе он с такой массой подневольных тружеников, какая у него была, мог бы организовать очень крупное производство, стать настоящим «фабрикантом», еще более увеличить свое состояние... А он сдавал рабов в аренду, а полученные деньги тратил.

Очевидно, дело обстояло следующим образом. Никерат, отец Никия, не занимавшийся, насколько известно, государственной деятельностью, посвятил всю свою жизнь созданию огромного состояния. Он разбогател на разработке серебряных рудников⁵³ и для труда в них накупил огромное число рабов. Время, когда это происходило, совпало с периодом наибольших успехов в Греко-персидских войнах; в результате победоносных сражений в Афины поступало огромное число пленных, и рабская сила, соответственно, была особенно дешевой.

Сам Никий, однако, не пошел по стопам родителя, предпочтя политическую, а не экономическую стезю. И отцовский «бизнес» стал для него, по сути, обузой. Активно заниматься рудниками у него не было ни времени, ни желания. Вот он и прибег к иному методу: лично в дела не вникал, рабов сдавал в аренду, а сам лишь расходовал получавшуюся прибыль. Разница же между Периклом и Никием заключается в том, что Периклу было нужно *свободное время*, а Никию (и, чувствуется, всем остальным «новым политикам») – *свободные деньги*. Этот финансовый аспект проблемы нам обязательно нужно будет держать в памяти для дальнейших заключений.

Итак, ближе к концу V в. до н.э. на самую верхушку политической жизни афинского полиса властно выступили люди, отцы и деды которых были «демотевтами», влиятельными лишь на уровне своих (как правило, сельских) демов. В одной из статей⁵⁴ мы попытались показать, что много ранее, в 480-х – 470-х годах до н.э., уже имела место такая попытка «маргиналов» (во главе с Фемистоклом) выйти на первый план. Но тогда эта попытка (очевидно, еще преждевременная) не увенчалась полным успехом. Старинная городская знать, создав путем политических браков известную «коалицию трех родов»⁵⁵, удержала тогда свои позиции, не дала «выскачкам» одержать верх.

⁵³ Карпюк 2003, 44.

⁵⁴ Суриков 2009б, 114–127.

⁵⁵ О ней см. Суриков 2000, 187 сл. (со ссылками на предшествующую литературу вопроса); 2006б, 333 слл.; 2008а, 123 сл., 178 сл.

Однако интересно, что именно Фемистокл одним из аспектов своей деятельности заложил основы дальнейшей победы «демотевтов». Во всяком случае, так случилось объективно, хотя сам герой Саламина вряд ли предвидел подобный результат собственных действий.

Что мы имеем в виду? Пришло время рассмотреть вопрос о том, какие же конкретные механизмы позволили представителям элиты аттических демов успешно выйти на общеполитический уровень. В данной связи нам хотелось бы указать на один фактор, на который ранее, кажется, почти совершенно не обращали внимания антиковеды. Выявление этого фактора – последняя (и, возможно, самая важная) задача настоящей статьи.

* * *

Хрестоматийно известным фактом является то, что самым важным по своим последствиям (как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом отношениях) деянием Фемистокла была его морская программа⁵⁶, в результате которой в афинском полисе был создан мощнейший в Элладе флот. К чему это привело на внешней арене – прекрасно известно и не нуждается в подробном освещении: к Саламинской победе, предопределившей исход Греко-персидских войн, к созданию Афинского морского союза, к гегемонии Афин в Эгейде и т.д., и т.п.

Из внутривнутриполитических результатов данной реформы Фемистокла обычно подчеркивается демократизация политической системы государства. Если в ходе преобразований Клисфена в Афинах сформировалась «гоплитская полития», то с созданием флота резко возросла роль гребцов, рекрутировавшихся из беднейших граждан; соответственно, увеличилась и политическая роль последних, – демократия, ранее умеренная, стала более радикальной. Все это тоже прекрасно известно и многократно освещалось в литературе. А нам хотелось бы привлечь внимание к «другой стороне медали»: отныне в жизни государства появляется такая значимая фигура, как *триерарх*. Вся важность этого обстоятельства пока еще не оценена по достоинству, да и почти никем не замечена⁵⁷, а между тем его самое пристальное изучение представляется весьма перспективным.

Начиная с архаической эпохи и вплоть до 480-х годов до н.э. афинские военноморские силы комплектовались по системе навкрайрий. Этих подразделений полиса было 48, и каждая предоставляла одно судно. Вследствие этого флот Афин составлял около полусотни единиц. Геродот (VI. 89) называет именно эту цифру – 50 кораблей⁵⁸: очевидно, к 48 кораблям навкрайрий прибавлялись два государственных корабля, которые зафиксированы и для более поздних эпох.

⁵⁶ Ей посвящена, разумеется, весьма значительная литература. Наиболее фундаментальным по-прежнему остается исследование: Labarbe 1957. Из более новых работ (по ссылкам в которых можно отследить и предшествующие) см., например Строгеецкий, 1998; Ставнюк 2004.

⁵⁷ Так, В.М. Строгеецкий (1998) вроде бы посвятил свою статью именно возникновению триерархии как следствию реализации морской программы Фемистокла, но политические последствия появления слоя триерархов им совершенно не рассматривались. Совсем недавно на эти последствия указал Г.А. Леманн (2008, 43), но затронул вопрос лишь мимоходом, буквально в одной фразе, поскольку его книга написана на совсем другую тему (это биография Перикла).

⁵⁸ Точнее так: 70 кораблей, из которых 20 были по дружбе предоставлены Афинам Коринфом.

По инициативе Фемистокла все изменилось, что позволило быстро увеличить размер флота в несколько раз. На смену навклариям пришел совершенно иной принцип – триерархия, юридически оформленная как одна из литургий. Отметим, что недавно вышло первое в отечественной историографии монографическое исследование об афинских литургиях, в котором большая глава специально посвящена триерархии⁵⁹. Автором собран и приведен основной источниковый материал об этом институте, что позволяет пользоваться этой сводкой данных. Сразу оговорим, что в сообщениях источников встречаются противоречия и некоторые аспекты интересующей нас проблематики остаются дискуссионными; в таких случаях мы, как правило, будем ориентироваться на преобладающие в науке точки зрения.

Триерархия, бесспорно, являлась самой обременительной из литургий⁶⁰. Если остальные (хорегия, гимнасиархия, архитеория и пр.) сводились к одноразовой затрате (пусть даже крупной) со стороны литурга, то триерарх обязан был не только оснастить и привести в боеспособное состояние полученный от государства остов судна, но и на протяжении целого года заботиться о нем, а в случае военных действий лично командовать кораблем, быть, выражаясь современным языком, его капитаном.

Нельзя считать вполне решенным вопрос о том, всегда ли триерарх действительно исполнял эти командные обязанности. Например, на Исократе, который, исходя из всего, что мы о нем знаем, вряд ли годился на роль капитана, триерархия тем не менее возлагалась многократно даже тогда, когда ему было уже за восемьдесят. С другой стороны, Демосфен стал триерархом в двадцатилетнем возрасте⁶¹. Следует полагать, что в подобных случаях «капитан» был чисто фиктивным и вряд ли даже лично отправлялся в море, а скорее препоручал это какому-нибудь другому лицу как своему представителю. Но приведенные примеры относятся к IV в. до н.э., а для предшествующего столетия (нас здесь интересует только оно) такое вроде бы не зафиксировано.

Весьма важным аспектом деятельности триерарха была выплата жалования экипажу. Официально она должна была осуществляться из государственных средств – через стратегов триерархам выдавались соответствующие суммы. Однако в жизни, естественно, все было сложнее. Сплошь и рядом случались задержки с выдачей полисных денег. А гребцы и матросы не желали долго ждать, они могли даже поднять бунт. В результате триерарху порой приходилось платить им из собственного кармана – или доплачивать собственную «надбавку» к государственному жалованию, если то казалось недостаточным.

Приведем в связи со сказанным свидетельство Фукидида (рассказывается об отправке флота на Сицилию): «Корабли были построены с большими затратами триерархов и государства. Государство выплачивало каждому моряку по 1 драхме в день и поставило неоснащенные корабли... Триерархи платили вдобавок к государственному жалованию корабельным гребцам на верхнем ряду весел и вообще

⁵⁹ Бондарь 2009, 118–163.

⁶⁰ Мы рассматриваем триерархию в V в. до н.э. В следующем столетии были произведены изменения, существенно облегчившие положение граждан, на которых это бремя возлагалось: введены симмории и синтелии (Leppin 1996, 566 ff.; Бондарь 2009, 136 слл.). Но это развитие уже выходит за хронологические рамки данной работы и поэтому нас здесь не интересует.

⁶¹ Соответствующие данные со ссылками на источники см. Бондарь 2009, 126.

всей команде⁶² из своих средств. Кроме того, они снабдили корабли разрисованными носовыми значками и украсили дорогой внутренней отделкой, причем каждый триерарх стремился сделать свой корабль самым красивым и быстроходным» (Thuc. VI. 31. 3; пер. Г.А. Стратановского с нашими поправками).

Из приведенного пассажа не вполне ясно, были ли дополнительные выплаты со стороны триерархов добровольными. Судя по общему контексту, – кажется, да: речь в целом идет о духе состязательности, вспыхнувшем в среде афинян. Но почему тогда все триерархи осуществляли единообразные выплаты? Между ними была какая-то общая договоренность? Или государство обязало их платить эти деньги? Вопрос приходится оставить открытым, но, впрочем, для нашего предмета он и не имеет принципиального значения.

В любом случае понятно, что триерарх прежде всего должен был быть богатым человеком, иначе он просто не справился бы со своими обязанностями. Собственно, и критерием назначения лица триерархом была не его компетентность в морском деле, а единственно его материальная состоятельность. Как известно, один из главных общих принципов классической афинской прямой демократии, «демократии непрофессионалов», заключался (особенно в V в. до н.э.) в том, что любой гражданин достаточно компетентен для того, чтобы занимать любой пост. Именно поэтому и магистратам на докимасиях ставились вопросы не о том, являются ли они специалистами в тех областях, которыми будут заниматься, а о том, чистокровные ли они афиняне, почитают ли родителей и святыни и т.п.

Поскольку, естественно, не каждый богач являлся хорошим потенциальным командиром корабля, то можно заведомо не сомневаться: встречались случаи, когда триерарх, хотя и находился на триере, но реально не осуществлял руководство, а фактически оно находилось в руках кормчего-кибернета. Кибернет был по статусу вторым лицом на судне, и при этом, в отличие от триерарха, безусловным профессионалом в морском деле. Однако, насколько можно судить, преобладали все-таки ситуации, когда триерарх командовал лично. К тому же, он в течение жизни исполнял литургию неоднократно, порой – из года в год⁶³ (а иначе и быть не могло, поскольку количество лиц с необходимым размером состояния было в полисе ограничено) и в результате со временем просто не мог не приобретать соответствующего опыта.

Рекрутировались триерархи, само собой, из представителей высшего солоновского имущественного класса – *пентакосиомедимнов*⁶⁴. Причем ежегодно требовалось очень немало этих литургов. Первоначальное число триерархов, установленное Фемистоклом, было равно 100 (Arist. Ath. pol. 22. 7), но уже очень скоро

⁶² Место, сложное для понимания. В оригинале – ταῖς ὑπερησείας, но толкование самого этого термина вызывает серьезные споры. По мнению одних исследователей, ὑπερησεία – это офицерский состав корабля (преобладающая точка зрения), по мнению других, – какая-то категория гребцов. О дискуссии см. Бондарь 2009, 124 сл. Во всяком случае, это не «вся команда», как переводит Г.А. Стратановский, однако именно ввиду неясности, кто это на самом деле, мы здесь ничего не меняем в переводе, ограничившись данным замечанием.

⁶³ «В V в., скорее всего, и вовсе не существовало установленного законом интервала между двумя триерархиями» (Бондарь 2009, 133). Только в IV в. до н.э. был установлен годичный, а затем, похоже, и двухлетний интервал.

⁶⁴ Во всяком случае, в первой половине V в. до н.э. солоновские имущественные классы еще занимали центральное место в социальной градации граждан (Schmitz 1996, 594). Да и для второй половины столетия еще нельзя говорить об их отмирании.

возросло до 200. Ведь действовал, естественно, принцип «сколько триер – столько триерархов», а к моменту Саламинской битвы число афинских кораблей уже достигло двух сотен.

В 420-х годах до н.э., если верить Псевдо-Ксенофону (Ath. pol. 3. 4), ежегодно назначалось уже 400 триерархов. Однако это свидетельство вызывает некоторые сомнения, ибо предполагает для начала Пелопоннесской войны численность афинского флота в 400 триер, а это уж слишком много. Правда, Страбон (IX. 395) называет именно эту цифру (не указывая, к сожалению, какой конкретный период он имеет в виду). Но, несомненно, более реально число, указываемое современником событий Фукидидом (I. 13. 7): «Из числа боевых кораблей на плаву было 300 триер». Может быть, наряду с 300 «регулярными» триерархами назначались еще 100 «запасных» – на случай, если вдруг придется быстро увеличить размер военно-морских сил? Не будем гадать; отметим только, что даже если ориентироваться на цифру 300, а не 400, то и это тоже весьма много. По сути дела, можно предполагать, что все афинские пентакосиомедимны с той или иной степенью частоты назначались триерархами.

Мы считаем, что этим был четко очерчен круг воинских обязанностей класса пентакосиомедимнов. Хорошо известно, что солоновские классы имели несомненные военные коннотации⁶⁵, что видно даже по названиям некоторых из них: о всадниках уж и не говорим, термин «зевгиты» сейчас тоже чаще связывают не с ζεύγος (упряжка волов), а с ζυγός (шеренга гоплитов в фаланге). Если всадники служили в кавалерии, зевгиты – в гоплитском ополчении, феты – до реформы флота в основном в легковооруженной пехоте, а затем – гребцами на кораблях, то что можно сказать о высшем классе? Традиционно он мог восходить к слою древних колесничих⁶⁶, но в период от Солона до Фемистокла не имел отчетливых военных функций, теперь же он их получил: класс пентакосиомедимнов стал воистину «классом триерархов».

Заметим еще, что, поскольку триерарху на протяжении всего года приходилось тратить значительные денежные средства, то лица, которым поручалась эта литургия, волей-неволей должны были соответствующим образом структурировать свое богатство. Если для более раннего времени крупные состояния заключались преимущественно в недвижимости, то с V в. до н.э. возникала необходимость переводить часть имущества в деньги. Этот процесс давно замечен в историографии (правда, скорее для IV в. до н.э.) и связывался обычно с кризисными явлениями в полисной жизни, со стремлением богатых граждан скрыть истинные размеры своей собственности. Не будем отрицать эту традиционную трактовку, но не будем ее и абсолютизировать: как видим, действовал и еще один фактор, на который ранее не обращалось достаточного внимания.

* * *

Почему мы считаем возможным рассматривать в рамках одной статьи «феномен демотевта» и «феномен триерарха», как они связаны друг с другом? Самым прямым образом. Представители элиты аттических демов, как мы отмечали выше, были состоятельными людьми. Явно если не все они, то многие из них принадле-

⁶⁵ См., впрочем, высказанные недавно весьма нетрадиционные взгляды о солоновских классах: Wees 2006; Raaflaub 2006. Эти концепции нуждаются в пристальном осмыслении, но сам тот факт, что они противоречат друг другу, делает их уязвимыми.

⁶⁶ Ср. Connor 1987, 47 f.

жали к классу пентакосиомедимнов. И с учреждением триерархии именно они-то и стали привлекаться к ее исполнению! Это бремя не могла нести на себе только общеполисная элита, старинная городская знать – ее просто не хватило бы количественно. И ей пришлось (видимо, чем дальше – тем больше, с возрастанием флота и соответственно потребности во все новых и новых триерархах) делиться со «вторым эшелон», с элитой демов, как обязанностями, так, следовательно, и влиянием. Ведь еще одним принципом полисного социума, действовавшим с завидным постоянством, был следующий: чем выше роль гражданина на полях сражений, тем большим должно стать его политическое значение в мирной жизни.

А к демократическому полису сказанное относится а fortiori. Поскольку лидеры государства определяла воля демоса, вполне можно говорить о появлении такого феномена, как «электорат»⁶⁷. Впрочем, подчеркнем, пока еще именно только феномена, но не понятия для его обозначения – термина с подобным смыслом в V в. до н.э. мы, кажется, не находим. Поэтому мы, в отличие от Х. Туманса, предпочитаем во избежание модернизации писать применительно к классическим Афинам это слово в кавычках, и впредь будем так делать.

Имели ли триерархи какие-либо преимущества в борьбе за влияние на этот афинский «электорат»? На наш взгляд, – бесспорно, имели, и мы сейчас попытаемся показать, какие конкретно это были преимущества. Демос являлся «электоратом» в одной из своих ипостасей, в другой же он был полисным ополчением. Многие должностные лица (и, во всяком случае, самые авторитетные из них – стратеги) были одновременно военными командирами. М. Финли видит в этом один из главных источников легитимности власти в античном полисе⁶⁸. Мы же, со своей стороны, отметим, что если для демоса как «электората» характерен эгалитаризм (в демократических Афинах на выборах все были равны), то для демоса как ополчения, – напротив, иерархичность: мы видели, что даже каждый из солоновских классов имел свое, строго определенное место в пору войны, и места эти отнюдь не были равными.

Заметим в данной связи, прежде всего, как набирались моряки на суда. «О формировании корабельной команды в лице матросов, гребцов и солдат первое время после введения триерархии заботилось государство. Но позднее и это вошло в круг обязанностей триерарха»⁶⁹. Л.Д. Бондарь указывает, что такой порядок имел место уже к 430 г. до н.э. (в 357 г. до н.э. он был отменен, и вернулись к прежнему). Точное время его введения из источников не известно, но ясно, во всяком случае, что он давал триерархам важное средство контактов с согражданами. Причем, надо полагать, триерарх, если он принадлежал к «демотетвам», при наборе команды обращался в первую очередь к своим сотоварищам по дему, поскольку они ближе всего были ему знакомы.

Лицо, набиравшее воинов на службу, и сами эти воины неизбежно вступали по отношению друг к другу в некие особые отношения – не закрепленные юридически, но на уровне личных неформальных связей значившие немало. Это хорошо изучено на других примерах (греческие вожди наемников в IV в. до н.э., римские полководцы со времени военных реформ Мария) и не подлежит сомнению.

⁶⁷ См. Туманс 2010, 120, 144, прим. 10. Далеко не со всеми положениями этой интересной, смелой и даже провокационной статьи мы вполне согласны. Но как раз данный тезис об электорате представляется верным.

⁶⁸ Finley 1982.

⁶⁹ Бондарь 2009, 124.

Думаем, что аналогичная ситуация складывалась и в случае с триерархами V в. до н.э. Командир, принявший моряков на корабль, должен был восприниматься ими как лидер, которому следует хранить верность.

К тому же именно триерарх, как указывалось выше, выплачивал экипажу жалование. В каких-то случаях (реже) – из собственных средств, в каких-то (естественно, чаще) – из государственных, в каких-то – из государственных, но с собственными доплатами... Но главное – моряки получали деньги непосредственно из рук своего «капитана», что должно было еще больше привязывать их к нему.

Да и в целом сердцу воинов всегда ближе «батяня-комбат», который лично ведет их в бой и делит с ними тяготы и лишения службы, чем более высокое начальство. Триерархов мы неоднократно называли «капитанами», что в целом вполне корректно. Стратеги в этой терминологии оказываются «адмиралами». Для моряков, плававших на большинстве кораблей, они были в целом довольно далекой инстанцией, а «свой» триерарх – всегда рядом. Как в гражданской жизни – мы уже говорили об этом в начале статьи – демарх в глазах рядового жителя Аттики мог подчас оказываться едва ли не более важной фигурой, чем общеполисный магистрат, – точно так же и во время войны триерарх (а им ведь мог быть и тот же демарх⁷⁰) оказывал в каких-то отношениях большее влияние на сограждан, чем командование флота в целом. Как рискнешь ссориться с человеком, от которого в твоей жизни зависит столь многое?

Между стратегом и триерархом имелось еще и то существенное отличие, что разным был их статус: стратег являлся магистратом, триерарх – литургом. Стратеги избирались голосованием в экклесии, затем проходили докимасию. Как формировался корпус триерархов, кем и посредством какой процедуры они назначались – вопрос весьма дискуссионный, из-за скудости и противоречивости данных источников пока не получивший однозначного решения в исследовательской литературе. Есть мнение (пожалуй, его можно назвать преобладающим), что назначение триерархов в V в. до н.э. было прерогативой стратегов или, во всяком случае, осуществлялось под их контролем⁷¹. Не без колебаний мы также присоединяемся к этой точке зрения. Во всяком случае, в следующем столетии дело обстояло именно так. Аристотель (*Ath. pol.* 61. 1) пишет: «Одного (из стратегов. – *И.С.*) назначают для симморий: он составляет списки триерархов (τοὺς τε τριηράρχους καταλέγει), устраивает между ними обмен имущества⁷² и руководит разбирательством споров между ними».

Правда, описанная здесь ситуация имела место уже после введения симморий. Но о том, что механизм был похожим и в период Пелопоннесской войны, кажется, свидетельствует один намек у Аристофана (*Equ.* 912 sq. cum schol.). Немаловажный нюанс, однако, заключается в том, что триерархи назначались заранее, до начала гражданского года⁷³. А это означает, что стратег набирал подчиненных не себе,

⁷⁰ Даже из общеполисных магистратов от триерархии освобождались только архонты (Бондарь 2009, 126). О том, что этой не литургии не подлежали магистраты демонов, в источниках ничего не сообщается, да это и невозможно а fortiori.

⁷¹ К обоснованию этой точки зрения см. Бондарь 2009, 128–129 (со ссылками на предшествующую литературу).

⁷² Вопрос о судебных процессах по обмену имуществом, часто случавшихся в связи с наложением литургий, в данной статье разбираться не будет, поскольку он не имеет прямого отношения к ее основной тематике; к тому же такие процессы – реалья, характерная в основном для IV в. до н.э.

⁷³ Бондарь 2009, 128.

а своему преемнику. Назначало триерархов одно лицо, а реально командовать ими приходилось уже другому, что давало этим «капитанам» триер некоторую степень независимости от обоих. С другой стороны, и от демоса, от его капризов триерархии зависели в меньшей степени, нежели те же стратеги, поскольку, повторим, в отличие от последних не избирались народным собранием, да и докимазия к ним, видимо, не применялась.

Все сказанное убеждает в том, что триерархии находились в весьма выгодной «электоральной позиции». В обстановке почти ежегодных военных действий они получали известность, обретали себе «группы поддержки». Одним словом, для граждан из незнатных, но состоятельных семей это был весьма удобный путь в высшие сферы политики. Наша главная гипотеза в том и заключается, что таким путем шли во второй половине V в. до н.э. (особенно в период Пелопоннесской войны) представители элиты демов, составившие ядро группы афинских «новых политиков».

Строго говоря, гипотеза эта не может быть полностью и безоговорочно доказана, поскольку в источниках очень мало материала о персоналиях триерархов V в. до н.э. Несравненно лучше известен состав коллегий стратегов для рассматриваемого времени⁷⁴, но и в этих данных более чем достаточно пробелов – почти ни для одного года не известны имена всех десяти стратегов. Что уж говорить о триерархах – а их, напомним, ежегодно назначалось несколько сотен!

Тем не менее достоверно известно, что ряд политиков, о которых шла речь в этой статье и которых мы считаем характерными представителями слоя «демотетов», шагнувших на новую ступень карьеры, действительно привлекались к исполнению триерархии. Это сообщается, например, об Антифонте (Ps.-Plut. Vit. X or. = Mor. 832b–834b; Flav. Philostr. Vit. soph. I. 15). Ферамен и Фрасибул являлись триерархами даже после того, как неоднократно занимали должность стратега (Xen. Hell. I. 6. 35; 7. 5); вполне резонно считать, что эта литургия налагалась на них и до того. Собственно, о Фрасибуле это сообщается эксплицитно: он был впервые избран стратегом необычным путем – моряками на Самосе в ходе антиолигархического восстания 411 г. до н.э. – и на тот момент являлся как раз триерархом (Thuc. VIII. 73. 4).

* * *

Соблазнительно было бы предположить, что и сам термин «демагог» (δημαγωγός) произошел от δῆμος не в значении «народ», а в значении «дем» (т.е. демагог – это изначально, в сущности, «глава дема», а не «вождь народа», как обычно переводят). Однако, не удержавшись от того, чтобы высказать подобное предположение, все же отнесемся к нему со всей возможной осторожностью. Такая этимология не рассматривается и в важнейших этимологических словарях древнегреческого языка⁷⁵.

Кроме того, мы видели, что в годы Пелопоннесской войны удельный вес «демотетов»-триерархов был выше, пожалуй, не среди демагогов (радикальных демократов), а как раз среди политиков олигархической ориентации. В частности, можно сказать, что переворот 411 г. до н.э. был подготовлен и осуществлен всецело именно этими лицами.

⁷⁴ См. прежде всего: Fornara 1971; Develin 1989.

⁷⁵ Frisk 1960, 280–281; Chantraine 1968, 274.

Триерархи по самому роду своей деятельности неизбежно чаще и больше, чем кто-либо иной, имели дело со знаменитой афинской «корабельной чернью». Не удивительно, что у многих из них этот «зверь»⁷⁶ не вызывал особенных симпатий, оттого-то они и вязались чрезвычайно активно в «олигархические игры»⁷⁷. Учитывая акцентированный выше статус триерархов как «капитанов», сам переворот «Четырехсот» можно было бы назвать — если закончить статью на несколько юмористической ноте — «путчем черных капитанов» (по аналогии с «путчем черных полковников» в той же Греции в 1967 г.).

Литература

- Бондарь Л.Д. 2009: Афинские литургии V–IV вв. до н.э. СПб.
- Карпюк С.Г. 2003: Общество, политика и идеология классических Афин. М.
- Ставнюк В.В. 2004: Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ.
- Строгецкий В.М. 1998: Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: Проблемы истории и культуры. Сб. научн. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / И.Я. Фроянов (ред.). СПб., 69–83.
- Суриков И.Е. 2000: Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М.
- Суриков И.Е. 2004а: Проблемы раннего афинского законодательства. М.
- Суриков И.Е. 2004б: Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского университета. Серия История. 1 (3), 51–65.
- Суриков И.Е. 2004в: Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти / И.Г. Коновалова (ред.). М., 175–188.
- Суриков И.Е. 2005: ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ. Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 1, 15–33.
- Суриков И.Е. 2006а: Древнейшие афинские монеты (Warrenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. 12, 43–51.
- Суриков И.Е. 2006б: Остракизм в Афинах. М.
- Суриков И.Е. 2007: От Warrenmünzen к «Совам»: в поисках исторического контекста // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 10–12.
- Суриков И.Е. 2008а: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.
- Суриков И.Е. 2008б: Antiphontea III. Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // SH. 8, 67–95.
- Суриков И.Е. 2009а: Antiphontea IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // SH. 9, 1–27.
- Суриков И.Е. 2009б: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. 3, 102–127.
- Туманс Х. 2010: Перикл на все времена // Вестник РГГУ. 10 (53), 117–154.
- Федосеев Н.Ф. 2003: Археологические свидетельства об афинской клерухии в Синопе // ВДИ. 3, 132–140.
- Фролов Э.Д. 1997: Прибыль и предприниматели в Древней Греции // Торговля и торговец в античном мире. М., 3–28.
- Almeida J.A. 2003: Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden.
- Andrewes A. 1953: The Generals in the Hellespont, 410–407 B.C. // JHS. 73, 2–9.

⁷⁶ Буквальное выражение одного исследователя (Кнох 1985, 132).

⁷⁷ Многое в перевороте «Четырехсот» выдает руку людей военных, например следующее положение программы олигархов: «Деньги, поступающие в казну, воспрещается расходовать на что бы то ни было, кроме войны» (*Arist. Ath. pol.* 29. 5).

- Asheri D. 1967: Studio sulla storia della colonizzazione di Anfipoli sino alla conquista macedone // *Rivista di filologia e di istruzione classica*. 95, 5–30.
- Baldwin B. 1968: Cleon's Strategy at Amphipolis // *Acta classica*. 11, 211–214.
- Blok J.H. 2009: Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. 58, 2, 141–170.
- Braund D. 2005: Pericles, Cleon and the Pontus: The Black Sea in Athens c. 440–421 // *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD)* / D. Braund (ed.). Exeter, 80–99.
- Brenne S. 2001: Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka. Wien.
- Brenne S. 2002: Die Ostraka (487– ca. 416 v.Chr.) als Testimonien // *Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v.Chr.)* / P. Siewert (Hrsg.). Stuttgart, 36–166.
- Bringmann K. 2000: Rhetorik, Philosophie und Politik um 400 v.Chr.: Gorgias, Antiphon und die Dissoi Logoi // *Chiron*. 30, 489–503.
- Carawan E. 1998: *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxf.
- Chantraine P. 1968: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. T. 1. A–Δ. P.
- Connor W.R. 1971: *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton.
- Connor W.R. 1987: Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *JHS*. 107, 40–50.
- Cox C.A. 1989: Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // *Classical Journal*. 85, 1, 34–46.
- Develin R. 1989: *Athenian Officials 684–321 BC*. Cambr.
- Finley M.I. 1982: *Authority and Legitimacy in the Classical City-State*. København.
- Fornara Ch.W. 1971: *The Athenian Board of Generals from 501 to 404*. Wiesbaden.
- Forrest W.G. 1966: *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C.* L.
- Frisk Hj. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd 1: A–Ko. Heidelberg.
- Frost F.J. 1994: *The Rural Demes of Attica* // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy* / W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro, F.J. Frost (eds.). Oxf., 173–174.
- Gomme A.W. 1986: *The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.* (1st ed. – 1933). Westport.
- Hammer D. 2005: Plebiscitary Politics in Archaic Greece // *Historia*. 54, 2, 107–131.
- Hornblower S. 1992: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxf.
- Hornblower S. 1996: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 2. Oxf.
- Jacoby F. 1949: *Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxf.
- Knox R.A. 1985: «So Mischievous a Beast»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // *Greece and Rome*. 32, 2, 132–161.
- Labarbe J. 1957: *La loi navale de Thémistocle*. P.
- Lambert S.D. 1998: *The Phratries of Attica*. Ann Arbor.
- Lehmann G.A. 2008: *Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie*. München.
- Leppin H. *Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* / W. Eder (Hrsg.). Stuttgart, 557–571.
- Malkin I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // *Athenaeum*. 63, 114–130.
- Mossé C. 1985: De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // *Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica*. 7, 9–18.
- Mossé C. 1996: La classe politique à Athènes au IVème siècle // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* / W. Eder (Hrsg.). Stuttgart, 67–77.
- Osborne R. 1997: *Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens* // *Past and Present*. 155, 3–33.
- Phillips D.J. 1990: Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 83, 123–148.
- Pritchett W.K. 1973: The Woodheadean Interpretation of Kleon's Amphipolitan Campaign // *Mnemosyne*. 26, 376–386.
- Raaflaub K.A. 2006: *Athenian and Spartan Eunomia, or: What to Do with Solon's Timocracy?* // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden–Boston, 390–428.

- Raubitschek A.E.* 1949: Dedications from the Athenian Akropolis. Cambr. Mass.
- Raubitschek A.E.* 1954: Philinos // *Hesperia*. 23, 1, 68–71.
- Ruschenbusch E.* 1979: Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v.Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg.
- Schmitz W.* 1996: Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit des athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v.Chr. // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* / W. Eder (Hrsg.). Stuttgart, 573–597.
- Schmitz W.* 2001: «Drakonische Strafen». Die Revision der Gesetze Drakons durch Solon und die Blutrache in Athen // *Klio*. 83, 1, 7–38.
- Schubert Ch.* 2008: Die Naukrarien: zur Entwicklung der attischen Finanzadministration // *Historia*. 57, 1, 38–64.
- Sealey R.* 1960: Regionalism in Archaic Athens // *Historia*. 9, 2, 155–180.
- Sealey R.* 1976: A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley.
- Sinclair R.K.* 1991: Democracy and Participation in Athens. Cambr.
- Spence I.G.* 1995: Thucydides, Woodhead, and Kleon // *Mnemosyne*. 48, 4, 411–437.
- Traill J.S.* 1975: The Political Organization of Attica. Princeton.
- Vanderpool E.* 1952: Kleophon // *Hesperia*. 21, 2, 114–115.
- Wees H. van.* 2006: Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden – Boston, 351–389.
- Westlake H.D.* 1989: Studies in Thucydides and Greek History. Bristol.
- Whitehead D.* 1986: The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C. Princeton.
- Whitehead D.* 2001: Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2.) // *CQ*. 51, 2, 604–607.
- Will W.* 1995: Perikles. Reinbek.
- Will W.* 2003: Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn.
- Woodhead A.G.* 1960: Thucydides' Portrait of Cleon // *Mnemosyne*. 13, 4, 289–317.

FROM *DEMOTEUATES* TO DEMAGOGUE (*Athenian Trierarchs of the 5th Century BC and Their «Electorate»*)

I.E. Surikov

In a recent article (2005) the author attempted to demonstrate the existence in Early Classical Athenian polis of a special layer of political elite – the so-called *demoteutai*, elite of Attic demes (especially rural ones). Late in the 5th century, mostly during the Peloponnesian War, these people moved to the leading position in Athenian politics. Almost all major politicians of the period in question there were citizens from rural demes. The main thesis of this article is that the new situation had resulted in a high degree from establishment of trierarchy by Themistocles. To become a trierarch (trireme's captain), it was enough to be a propertied citizen. Many rural Athenians, earlier well-known only in their demes, used the position of trierarch to obtain popularity and influence at the level of the whole polis.